

Нужна ли интеллигенция православной церкви?

Интеллигенция, возникшая во второй половине XIX века, после реформ Александра II, всегда была проблемным слоем. Проблемна она и сейчас.

Об этом недавно писал патриарх Кирилл: "Одной из главных проблем России было отсутствие связи между интеллигенцией и церковью и отсутствие мощного корпуса православной интеллигенции, которая была бы способна к самоорганизации и оказанию реальной поддержки церкви. Мы, как народ, так и церковь, сегодня очень нуждаемся в формировании корпуса православной интеллигенции". Эти слова мы принимаем как призыв к диалогу. Мы думаем, что к ним с радостью присоединились бы митрополит Антоний Сурожский, которому недавно была посвящена трехдневная конференция (23-25 сентября 2011), и протоиерей Александр Мень, наследие которого обсуждалось на чтениях 10 сентября при участии широких кругов интеллигенции.

Мы сами люди светские, но глубоко верующие и чувствуем присутствие Святого Духа в глубине всех великих религий сквозь оболочки догматических споров. Когда бездуховная идеология коммунизма исчерпала себя, и открылись храмы, мы были очень рады.

Храм - место, где расправляется Дух, создавший нас, Дух, которым мы дышим. Казалось, можно будет глубоко вздохнуть и дышать всей грудью.

Но вот наши молодые друзья принесли нам выписки из твиттерских сообщений игумена Виталия Уткина, облеченного должностью епархиального секретаря Ивановской епархии. "Интеллигенция бесплодна и бесполезна для страны, поэтому православной интеллигенции не может быть в природе".

Невольно вспоминается ленинское определение: "Интеллигенция не мозг нации, а г...". И ровно в том же ключе в мультимедийном пространстве звучит ряд других реплик о Виталия в адрес интеллигенции, которые можно расценить как вызов: "Интеллигенция безответственна и некомпетентна. Интеллигенция никак не является синонимом образованных людей".

Хочется вспомнить слово, придуманное Солженицыным - "образованщина", то есть образованность без нравственной и духовной основы, противоположность подлинной интеллигентности. И далее о Виталий продолжает: "Интеллигент, придя в церковь, начинает себя чувствовать крайне неуютно. Он по природе вечный диссидент, служить не может". Действительно, в такой церкви, воинственно антиинтеллигентской служить сможет только единомышленник о. Виталия. В других репликах от епархиального секретаря достается не только интеллигенции, но и всему гуманитарному пространству: "Гуманитарное пространство необходимо очень хорошенько встряхнуть, переформировать". Затем декларируется обожествление государственной власти, которое иначе как языческим, никак нельзя назвать: "Власть может называть себя как угодно, но в России она всегда будет нести на себе сакральный отблеск и стремиться к автократии. <...> Считаю, что Россия в настоящий момент не созрела для демократии, а церковная "демократия" вообще неканонична и невозможна. Последнюю совершенно ошибочно именовать "соборностью"". И далее в словах игумена звучат ноты уже откровенного диктаторства: "Я выступаю за строгую церковную дисциплину. Поэтому, всевозможные "православные патриоты", которых я наблюдаю года с 1987, это протестантствующие

либералы, разрушающие иерархическое церковное пространство. <...> Я категорически не приемлю любого диссидентства. А "православные патриоты" - это люди с риторикой "несогласных". По сути, это антигосударственные либералы".

Не удивительно, что подобное мировоззрение в качестве своего кумира способно поставить на пьедестал ни кого иного как тов. Сталина. "С большим уважением, - пишет о. Виталий, - отношусь к имперскому и советскому периодам нашей истории. Не скрываю, что уважительно и с пониманием отношусь к Сталину <...> У всякого процесса, у всякого развития есть своя логика. Почему Сталин не отказался от косной идеологической конструкции? В силу этой самой внутренней логики, обусловленной массой причин. Есть путь. Так и надо по нему идти".

Таким образом, логика параллельного, по сути, церковно-государственного пути, предлагаемого о. Виталием, становится достаточно прозрачной. Тотальная диктатура, подавление личности, страх с соответствующим лицемерием; вот только в качестве инструментария вместо большевистской идеологии вполне можно использовать букву православных уставов и канонов.

Опять недоумение и боль: а что в таком случае делать священнослужителям и православным мирянам, почитающим новомучеников - жертв сталинского террора? Если всё будет продолжаться в том же духе, то, скорее всего, остается ждать лишь построения сталинизма в отдельно взятой епархии.

И тогда пророческими оказываются слова интеллигентки, преподобномученицы Марии (Скобцовой), известной многим как мать Мария, добровольно отправившаяся в газовую камеру фашистского концлагеря вместо женщины с маленьким ребёнком; слова, прозвучавшие ещё в 1936-м году на парижской конференции в ее докладе "Настоящее и будущее Церкви": "Если в Церковь, одаренную терпимостью и признанием со стороны советской власти, придут новые кадры людей, этой властью воспитанные... сначала они, в качестве очень жадных и восприимчивых слушателей, будут изучать различные точки зрения, воспринимать проблемы, посещать богослужения и т.д. А в какую-то минуту, почувствовав себя, наконец, церковными людьми по-настоящему, по полной своей неподготовленности к антиномическому мышлению, они скажут: вот по этому вопросу существует несколько мнений - какое из них истинно? Потому что несколько одновременно истинными быть не могут. А если вот такое-то истинное, то остальные подлежат истреблению как ложные. Они будут сначала запрашивать Церковь, легко перенеся на нее привычный им признак непогрешимости. Но вскоре они станут говорить от имени Церкви, воплощая в себе этот признак непогрешимости. Если в области тягучего и неопределенного марксистского миропонимания они пылают страстью ересемании и уничтожают противников, то в области православного вероучения они будут еще большими истребителями ересей и охранителями ортодоксии. Шаржируя, можно сказать, что за неправильно положенное крестное знамение они будут штрафовать, а за отказ от исповеди ссылать в Соловки. Свободная же мысль будет караться смертной казнью. Тут нельзя иметь никаких иллюзий - в случае признания Церкви в России и в случае роста ее внешнего успеха она не может рассчитывать ни на какие иные кадры, кроме кадров, воспитанных в некритическом, догматическом духе авторитета. А это значит - на долгие годы замирание свободы. Это значит - новые Соловки, новые тюрьмы и лагеря для всех, кто отстаивает свободу в Церкви. Это значит - новые гонения и новые мученики и исповедники".

Казалось бы, мать Мария сказала все. Этого достаточно. Но, может быть, далеко не всех пугает позиция отца Виталия? Поворот мыслей в обратную сторону, тоска по Сталину

сейчас довольно громко звучит в нашей стране. Объясняется это просто: протестом против "дикого капитализма" и оголтелого цинизма нынешнего времени. Однако ничего страшнее, чем возвращение к Сталину, мы не знаем. А уж в сфере духовной это логика великого инквизитора, того, кто прикрывается именем Христа и творит антихристово дело.

Решившись опубликовать это обращение на страницах "Российской газеты", мы хотим привлечь внимание к опасности, касающейся не только православной церкви, но и всего российского общества. Думаем, что в недрах Церкви есть и будут силы, стремящиеся противостоять тенденции сталинизации. Достаточно вспомнить имена выдающихся церковных интеллигентов, проповедников и миссионеров и ученых недавнего времени, совершавших свое дело не смотря ни на что: митрополита Антония Сурожского, протоиерея Александра Меня, академика Д.С.Лихачева и С.С.Аверинцева.

от редакции

Оставляя заголовок авторов статьи, мы все-таки хотим отметить: на наш взгляд, речь идет не столько о позиции Русской православной церкви, сколько о мнении одного из священников.

Мы надеемся продолжить обсуждение и предоставить на страницах "Российской газеты" возможность высказаться и представителям Церкви. Поддержать разговор на эту тему в "РГ" согласился Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион.

Предлагаем нашим читателям также высказать свое мнение.

Интеллигенция нужна Православной церкви

24.10.2011, 00:20 [Елена Яковлева](#)

["Российская газета" - Федеральный выпуск №5614 \(238\)](#)

[Зинаида Миркина, Григорий Померанц](#)

["Российская газета" - Столичный выпуск №5604 \(228\)](#)

12.10.2011, 00:20

Митрополит Иларион - о ценности Предания, шаблонах вражды, производстве идей и ностальгии по сталинизму.

[Разговор](#), начатый на страницах нашей газеты о взаимоотношениях церкви и интеллигенции, продолжает Митрополит Иларион.

Российская газета: Владыка Иларион, на вопрос Зинаиды Миркиной и Григория Померанца: "Нужна ли интеллигенция Православной церкви?" - вы ответили: "Да, нужна", сославшись на те же слова Патриарха Кирилла, которые побудили авторов статьи поставить вопрос. Как вы относитесь к рассказанной ими истории?

Игумен Виталий (Уткин), секретарь Ивановской епархии, написал в своем твиттере: "Интеллигенция бесплодна и бесполезна для страны, поэтому православной интеллигенции не может быть в природе". Добавив к этому рассуждения о том, что Россия

не созрела до демократии, автор подчеркнул, что не скрывает своего уважительного отношения к Сталину.

По-моему, твиттер и блогосфера как своего рода маленькие СМИ беспощадно ободряют своих участников мыслью о том, что они большие обществоведы и историософы. И вот образовалась тьма самооболащенных вещателей доморощенных истин, несдержанных и несамокритичных. Хотя прежде чем возводить свои жизненные впечатления и соображения в принцип, стоило бы, конечно, подумать.

Митрополит Иларион (Алфеев): Я не читаю блоги и до публикации этой статьи не был знаком с высказываниями упомянутого вами священнослужителя. Те цитаты, которые приведены в статье, конечно, шокируют. Как можно почитать святых новомучеников и при этом уважительно относительно к Сталину? Это все равно что почитать Иоанна Крестителя, но при этом уважать Ирода, который отсек ему голову. Как мы можем прославлять и жертв и палача? Я думаю, что история уже расставила все акценты, и ностальгия по сталинизму, тем более из уст священнослужителя, для меня звучит как какое-то кощунство.

И конечно, говорить, что интеллигенция бесплодна и бесполезна для страны и поэтому православной интеллигенции не может быть в природе - это, простите меня, чушь. Может быть, батюшка просто решил эпатировать своих читателей? Сегодня, к сожалению, эпатаж становится одним из методов привлечения к себе внимания. Иной раз, к сожалению, и священнослужитель оказывается этому не чужд. Православная интеллигенция была всегда, она должна быть и будет.

С одной стороны, очевидно, что именно интеллигенция внесла очень существенный вклад в дело разрушения православной России, приведшее к революции 1917 года. И в этом, может быть, заключается главная историческая вина российской интеллигенции. Но с другой стороны, именно в среде интеллигенции зародилось то движение за возвращение в Церковь, которое в начале XX века нашло отражение на страницах журнала "Вехи" и которое не прекратилось даже после революции, несмотря на жесточайшие гонения и против Церкви, и против интеллигенции.

Вообще "интеллигенция" - это очень широкое понятие. Если под интеллигенцией понимать всех людей интеллектуального труда, то, конечно, они всегда были в Церкви, и сегодня их в ней немало. Православная интеллигенция и сегодня существует. Причем человек может быть одновременно активным членом и служителем Церкви и представителем интеллигенции. Никакого противоречия в этом я не вижу.

Я, например, себя отношу к представителям интеллигенции. Причем в третьем поколении, потому что мама моя - писатель, отец был физиком и математиком, дедушка был профессором истории, бабушка партийным работником (профессиональные партработники - это ведь тоже была своего рода интеллигенция). В этом смысле я происхожу из интеллигентной семьи, всю жизнь занимался преимущественно интеллектуальным трудом и совершенно не понимаю, почему интеллектуальный труд не может сочетаться с активным членством в Церкви.

Я как раз думаю, что интеллигенция - очень важная составляющая нашего церковного организма. Ведь это люди, которые производят идеи и оказывают решающее влияние на мировоззренческую составляющую нашего бытия. В этом смысле интеллигенция - всегда на передовой. Поэтому сегодня очень важен прямой и тесный контакт и диалог между

Церковью и интеллигенцией. Как той, которая уже находится в Церкви, так и той, которая находится за ее порогом.

РГ: Интеллигенция - чисто русское понятие. В чем ценность этого феномена?

Митрополит Иларион: Хотя само слово "интеллигенция" и имеет латинский корень, но само это понятие действительно существует только в русском языке и не переводится на другие. Но люди интеллектуального труда, люди, которые производят идеи, есть в каждой стране. В этом смысле интеллигенция - отнюдь не чисто русской феномен.

Та роль, которую интеллигенция играла в дореволюционной России, была очень специфической. И здесь мы возвращаемся к теме, которую не раз затрагивал Святейший Патриарх Кирилл в своих публичных выступлениях, подчеркивая, что, к сожалению, в дореволюционной России существовал очень серьезный водораздел между миром интеллигенции и миром Церкви. Несмотря на то, что Церковь в дореволюционной России была общенациональным институтом, несмотря на то, что членами Церкви являлось абсолютное большинство жителей Российской империи, она в то же время в каком-то смысле находилась в гетто.

В частности, мир светской культуры в XVIII-XIX веках развивался самостоятельно и вне зависимости от Церкви. В Церкви были свои композиторы, которые писали только церковную музыку, а светские - только светскую. И случай, когда светский композитор написал бы церковную музыку, были очень редкими. И это воспринималось как что-то аномальное и скандальное. Когда Чайковский написал "Литургию", сам этот факт вызвал большую полемику, его музыка не была Церковью принята.

РГ: Рахманинову в Серебряном веке было уже легче?

Митрополит Иларион: Да, это уже был период русского религиозного ренессанса. Но поскольку сочинения Рахманинова были написаны фактически прямо перед революцией, они не успели войти в церковный репертуар. Да они в каком-то смысле и не предназначались для богослужения.

Водораздел между миром Церкви, с одной стороны, и миром культуры и интеллигенции, с другой, нам сегодня нужно преодолевать. Какие-то попытки преодолеть его были и раньше. Можно вспомнить Санкт-Петербургское религиозно-философское общество, действовавшее в начале XX века. Со стороны Церкви его возглавлял архиепископ Выборгский и Финляндский Сергей (Страгородский), в недавнем прошлом ректор Санкт-Петербургской духовной академии, а впоследствии будущий патриарх, а со стороны интеллигенции там были самые разные люди - Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Василий Розанов, Николай Бердяев и многие другие. Это была попытка людей из среды интеллигенции, настроенных на диалог с Церковью, преодолеть тот водораздел, который между ними существовал. Но в основном корпоративные "межи" между миром Церкви и миром искусства, культуры, интеллигенции сохранялись.

РГ: В чем корни этого "размежевания"?

Митрополит Иларион: Я думаю, их следует искать в реформах Петра Великого. В частности, в том колоссальном культурологическом сдвиге, разломе и надломе, который произошел после того, как Петр искусственно и насильственно начал насаждать в России западные порядки. Это касалось и культуры, и мировоззренческих стандартов. Не случайно ему пришлось перекроить устройство Церкви, потому что устройство Церкви,

которое соответствует канонам, которое существовало на Руси в допетровскую эпоху, не соответствовало этой западной парадигме. Восстановлено оно было только после революции...

РГ: После февральской революции...

Митрополит Иларион: Да, после февральской. Хотя де-факто, конечно, патриарх был избран уже после Октябрьской, а начало подготовки к Поместному Собору было положено еще при царском режиме. В синодальный период существовала мировоззренческая парадигма, согласно которой Церковь должна находиться в подчинении у государства и заниматься только церковной проблематикой и тематикой, то есть священники должны только крестить, венчать, отпевать, служить литургию, но не должны заниматься каким-то общественно значимым делом, а позиция Церкви не должна влиять на жизнь общества. Эта парадигма очень существенно повлияла на развитие интеллигенции и культуры: и интеллигенция, и культура в XVIII, а особенно в XIX веке стали в России чисто светскими. И точек соприкосновений с Церковью у них было очень мало.

В советское время, как мы знаем, интеллигенцию не относили даже к классам, считали некой "прослойкой". И советская власть никогда не смогла выработать однозначного отношения к интеллигенции. Высказывание Ленина, которое приводится в статье Г. Померанца и З. Миркиной, в этом смысле очень характерно. Советская власть была гонительницей и Церкви и интеллигенции. Вся дореволюционная интеллигенция по сути была истреблена в годы сталинского террора. Поэтому сегодня, после столь печального и трагического исторического опыта, мы должны прежде всего избавляться от искусственных схем и водоразделов. Само противопоставление - интеллигенция и Церковь - искусственно. Я это говорю и по собственному опыту, и по опыту моей семьи, и по опыту тысяч других людей, которые себя относят одновременно и к интеллигенции и к Церкви. Нет никакого противоречия между тем, чтобы принадлежать и к той и к другой группе людей.

РГ: Только что на канале "Культура" закончился сериал Александра Архангельского "Жара", в котором повествуется о возвращении интеллигенции к Церкви и духовным поискам в 70-е годы XX века. Это был второй момент после опыта Религиозно-философского общества, когда интеллигенция и Церковь стирали "межи"?

Митрополит Иларион: 70-е и 80-е годы XX века - это тоже время русского религиозного ренессанса. Он не был таким очевидным, как в начале XX века, он был подпольным, но он существовал. Я был его свидетелем и в каком-то смысле участником. Очень многие люди именно из среды интеллигенции возвращались тогда в Церковь, причем часто не прямым путем. Все начиналось с поисков индийской литературы, увлечений йогой, но постепенно увлеченные приходили к Православной церкви. Я бы не сказал, что это было массовое явление, но оно было достаточно значимым. Думаю, оно было провозвестником того духовного возрождения, которое в полном масштабе развернулось в 90-е годы.

РГ: Скажите, что сегодня может помочь преодолеть разделение между Церковью и интеллигенцией?

Митрополит Иларион: Прежде всего нам надо избавляться от шаблонов. От искусственных противопоставлений интеллигенции и Церкви. От радикализма и эпатажа, будь то в твиттере, в блогах или в каком-нибудь ином формате. Нужен спокойный и доброжелательный диалог.

РГ: Но часто и та и другая сторона грешат. Интеллигенция, например, страшным самоволием, субъективизмом и духовным невежеством при взгляде на церковную историю и реальность...

Митрополит Иларион: Мне кажется, чтобы не делать ошибок, очень важно учитывать наш исторический опыт и опираться на то, что мы в Церкви называем Преданием или Традицией с большой буквы. Как правило, ошибки происходят тогда, когда из-под ног уходит эта твердая почва Предания, на которой на протяжении веков созидалась духовная жизнь нашего народа. Разрыв с Преданием всегда чреват грубыми и трагическими ошибками. Петровские реформы были как раз таким разрывом с нашим духовным и национальным Преданием.

РГ: Что вы имеете в виду под "Преданием"? Целостность духовных представлений...

Митрополит Иларион: Предание - очень широкое понятие, существующее в Православной и Католической церкви и практически отсутствующее у протестантов. Это вся совокупность духовного и религиозного опыта предшествующих поколений, которая передается нам и от нас должна быть передана нашим потомкам. Понятие Предания имеет ключевое значение для жизни Церкви. Мы говорим, например, что только та Церковь может называться Церковью, в которой существует апостольское преемство рукоположений. Это значит, что те епископы, которые служат сегодня, были рукоположены другими епископами и прямая цепь рукоположений должна восходить от них к самим апостолам. Если где-то и когда-то эта цепь прервалась, то община уже не имеет право легитимно называть себя Церковью. Это только один из примеров.

Есть еще преемство учения. Мы не можем сейчас изменить учение Церкви, ввести новые догматы. Мы можем только изучать церковную догматику и адаптировать к современной ситуации тот язык, которым мы излагаем церковные догматы, но сами догматы непреложны и неизменны. То же самое и по отношению к нравственности. Существует христианская нравственность - определенные незыблемые нравственные постулаты, которые не могут меняться в зависимости от моды, от веяний времени. Когда сегодня нам пытаются навязать нравственные стандарты, несовместимые с христианским учением, мы как верующие люди их принять не можем. В этом смысле Предание, Традиция имеют для нас ключевое значение.

Петровские реформы были разрывом с Преданием. И последствия этих реформ (в том числе и для нашей культуры и интеллигенции) были весьма плачевными. Мы, с одной стороны, говорим о XIX как о веке расцвета русской культуры... И, действительно, большинство известных всему миру русских людей, будь то композиторы, писатели, поэты или художники, жили в XIX веке. И в каком-то смысле эта "встреча с Западом", которая произошла благодаря тому, что Петр прорубил "окно в Европу", была очень плодотворной для русской культуры.

Но обратной стороной медали был вот этот отход интеллигенции и русской культуры от Церкви. Это был не полный отход, потому что на своей последней глубине русская культура всегда оставалась христианской. Глядя ретроспективно на русскую культуру XIX века (особенно глядя через призму советского периода), мы видим, что она была напитана соками христианства и православия. И в советское время русская культура была для нашего народа одной из носительниц христианского благовестия. Ведь мы не могли тогда, кроме как в самиздате или в ксерокопиях, читать творения святых отцов, например Исаака Сирина. Но могли взять в библиотеке "Братьев Карамазовых", где многие страницы являются просто пересказом святоотеческих творений. Конечно, этот

церковный христианский элемент в русской культуре всячески замалчивался, перетолковывался, но тем не менее - существовал. И поэтому нельзя говорить, что интеллигенция или культура полностью оторвались от Церкви. Водораздел между миром Церкви и миром культуры и интеллигенции существовал, но и присутствие в последнем христианских идей и религиозной тематики всегда оставалось очень существенным и значимым. И не случайно в начале XX века, когда значительная часть интеллигенции встала на сторону реформаторов и революционеров, другая часть интеллигенции занялась возрождением религиозных идей и напряженно думала о сближении с Церковью.

РГ: Какая интеллигенция нужна сегодня Православной церкви?

Митрополит Иларион: Православной церкви нужна интеллигенция думающая. Открытая к диалогу. Спокойная. Чуждая радикализма и крайностей. Интеллигенция, которая будет, с одной стороны, восприимчива к усвоению христианских идей, а с другой - будет готова питать церковный организм своими свежими идеями. Если ее идеи будут радикально противоречить церковному Преданию, она неизбежно окажется в конфликте с Церковью. Но если эти идеи будут находиться в русле церковного Предания, может возникнуть очень интересный и плодотворный диалог. И интеллигенция может внести очень существенный вклад в развитие церковной жизни.

Ведь интеллигенция - это люди, которые продуцируют идеи, а свежие идеи всегда нужны.

РГ: Какой должна быть Церковь по отношению к культуре и интеллигенции? Бердяев еще в "Русской идее" указывал на обскурантизм и невежество православного духовенства, и мне кажется, что и сегодня этого хватает. В моде разговоры о пользе простоты. С радостью цитируют изречение, приписываемое одному из русских старцев: "Где просто, там ангелов со сто". Мне кажется, что эти слова - скорее, призыв не следовать своим капризам и сословным ритуалам, чем приглашение к упрощению знаний, представлений, мироощущения.

Митрополит Иларион: Простота - совсем не синоним безграмотности и необразованности. Можно быть очень простым в обращении с людьми, в образе жизни, и при этом быть образованным, интеллигентным, интеллектуально развитым человеком.

Я думаю, что нам сегодня, как воздух, необходимо образованное духовенство. И это одна из задач, которую ставит перед Церковью Святейший Патриарх. Мы сделали обязательным для духовенства получение как минимум семинарского образования. А одним из первых шагов Патриарха после восшествия на первосвятительский престол стала реформа духовного образования. Были созданы новые учебные заведения, такие, как Общецерковная аспирантура и докторантура, направленные как раз на радикальное повышение образовательного уровня нашего духовенства.

Я думаю, что образованное духовенство нам сегодня очень нужно. Для диалога между Церковью и интеллигенцией нужны люди, которые бы не говорили глупостей и не писали всякую чушь в Интернете, а несли бы ответственность за свои слова. Ведь волей-неволей человек, встречая высказывания священников, воспринимает их как позицию Церкви. И нам очень трудно бывает сказать: вот эти слова отражают официальную позицию, а вот эти высказывания того или иного батюшки являются его частным мнением. Ведь к священнику, по сути дела, всегда относятся как к учителю, носителю общецерковных идей. И в этом смысле на всяком священнослужителе лежит очень большая ответственность. Если ты не можешь говорить умно, компетентно, сдержанно, лучше помалкивай.

РГ: Сложный человек для Церкви - ценность?

Митрополит Иларион: Всякий человек - сложный человек. Простота очень редко бывает врожденным качеством, чаще - приобретенным. Мне кажется, она - следствие внутреннего расположения человека, какого-то внутреннего мира, который он может и нести в себе и передавать другим. Сегодня очень мало людей обладает таким внутренним миром. Сегодня люди, как правило, раздерганные, нервные, с повышенной эмоциональностью. И когда такое состояние, немирное, беспокойное, с повышенным эмоциональным градусом становится для человека нормой, именно тогда он продуцирует идеи и высказывания радикального характера.

РГ: Похоже, что мы переживаем сегодня кризис гуманитарной культуры, не слышны хорошие поэты, в забвении великие гуманистии вроде Аверинцева и Бибикина, творчество которых было немыслимо без религиозного начала. Испорчена резонансная среда. Это же как храм с плохой акустикой. Церковь может быть побудителем гуманитарного культурного ренессанса?

Митрополит Иларион: Я не совсем согласен с тем, что мы живем в эпоху упадка культуры и гуманитарного знания и что сейчас нет хороших композиторов, поэтов, писателей. Мы живем во время, которое перенасыщено информацией, и в потоке шума иногда трудно бывает различить настоящие сигналы. Но, как известно, большое видится на расстоянии. И великие люди редко бывают признаны при жизни, как правило, после смерти. Да, сегодня, в современной музыке как будто не просматривается фигура, по масштабу хоть сколько-нибудь подобная Шостаковичу. Но выносить окончательное суждение, мне кажется, еще рано. Придут времена, когда наши потомки оценят нашу эпоху по-другому. И может быть, то, что совершается сейчас и представляется нам менее значимым, чем совершавшееся ранее, для наших потомков окажется важным и востребованным.

Проблема в том, что информационное пространство превращается в огромный рынок, где каждый человек пытается найти то, что ему соответствует. И еще большая проблема - та антикультура, которая у нас нередко выдается за культуру. Вместо того, чтобы воспитывать людей в нравственном отношении, делать их духовно более чистыми, она, наоборот, развращает. Так называемая популярная культура, "попса", нередко бывает столь низкого качества и несет столь низменные нравственные послы, что ее с полным правом можно называть антикультурой.

Я думаю, что общая задача интеллигенции и Церкви как раз заключается в том, чтобы созидать сегодня полноценную культуру, искусство высокого эстетического уровня, в то же время несущее в себе мощный позитивный нравственный заряд. А также способствовать возрождению и развитию гуманитарных наук, которые необходимы для полноценного развития общества.

Келья строгого режима

"Для приобретения монашеского опыта" епархиальное начальство изолировало священника, 20 лет ведущего иноческую жизнь

[Зинаида Миркина](#), [Григорий Померанц](#)

["Российская газета" - Федеральный выпуск №5650 \(274\)](#)

06.12.2011, 00:25

Сравнительно недавно нами в числе еще нескольких сотен человек было подписано обращение к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу с просьбой освободить из особой монастырской ссылки иеромонаха Илариона (Соколовского), отправленного туда управлением Иваново-Вознесенской епархии за некоторые ошибки в его миссионерской деятельности в мультимедийных сетях.

Почему мы, мирские люди, вмешиваемся в дела православной церкви?

Нас глубоко волнует всякое проявление тоталитаризма, где бы оно ни происходило. И в наше время то, что происходит в духовном пространстве, вызывает особо глубокую тревогу. Мы живем в кризисное время, когда отпадение человека от Бога, от духовного источника своей жизни происходит повсеместно, с полной уверенностью в том, что "все позволено". "Если Бога нет, то все позволено", - говорил устами своих героев Достоевский. А в одном из современных фильмов героиня произносит примерно следующую фразу: "Нам сказали "Бог есть". Ну и чего?" Вот это "ну и чего?" нас глубоко волнует. Прочитав свою статью ["Нужна ли интеллигенция православной церкви?"](#) мы закончили цитатой из выступления Матери Марии ("РГ" N228 от 12.10.2011 г.).

Мы очень благодарны митрополиту Илариону, поддержавшему нас в ответной статье ["Интеллигенция нужна Православной церкви"](#) ("РГ" N238 от 24.10.2011 г.). И однако высокого церковного Владыку мало кто услышал. Во всяком случае, в Иваново-Вознесенской епархии - не услышали. Судьба иеромонаха Илариона остается такой же, как была. Он уже три месяца отбывает заключение в Николо-Шартомском монастыре без права переписки и пользования мобильником. Окно его кельи-камеры выходит в коридор, из которого тем самым она свободно просматривается. Свидания с о. Иларионом разрешены только в присутствии специально приставленного монаха. Братьям монастыря запрещено входить с ним в контакт. И все это определено отнюдь не настоятелем обители, а более высокой иерархической инстанцией.

В вину заключенному ставится самовольное миссионерское общение в мультимедийных сетях Интернета и вырванные из контекста фразы, свидетельствующие о его якобы неуважительном отношении к власти и народу. Не будем сейчас разбираться в подробностях его высказываний. Если и были неудачные фразы, то о. Иларион в них неоднократно раскаивался. А вот то, что благодаря его деятельности не одна сотня далеких от религии людей стала проявлять интерес к православию и церкви - игнорировалось. Так же, как и слова Патриарха Кирилла, призывающие всех священнослужителей к миссионерской работе в мультимедийном пространстве.

Заслуживает особого внимания сопроводительный текст к приговору иеромонаху Илариону, - "для приобретения монашеского опыта". Достигший пенсионного возраста человек, прожив 20 лет монахом, страдая от сердечных и прочих недугов, способен всерьез обогатиться монашеским опытом в новых монастырских условиях строгого режима? У о. Илариона, как нам стало известно, за три месяца заключения уже неоднократно случались сердечные приступы. Откуда мы все это знаем? Мы никогда не были в Иваново-Вознесенском монастыре, не знакомы ни с одним из монахов. И однако с монастырем у нас завязалась глубокая дружба. Она началась, когда одна из монахинь купила в магазине книгу стихов Зинаиды Миркиной "Блаженная нищета" и написала горячее письмо с просьбой поместить эти стихи в монастырский альманах "Обитель слова". Она прислала нам этот альманах, и мы оба пришли в восторг от его духовного и художественного уровня. Это была настоящая радость - значит, православная церковь жива, если есть такие альманахи, такие авторы! И вот от этих же авторов мы узнали, что

случилось с их собратом и даже то, что альманаху грозит небытие. Вот от чего мы так глубоко взволновались.

А теперь - второй вопрос: почему сами монахи, знакомые о. Илариона, не способны поднять такой вопрос, направить письмо Патриарху и т.п. Потому что священнослужители боятся, что такого рода дерзость почти сразу обернется дерзнувшему запретом на священнослужение. Когда-то мы разговаривали с отцом Александром Менем о его друге священнике С. Желудкове, выведенном за штат. Александр Владимирович сказал, что для священника не служить все равно что для поэта не писать стихов. "Не писать или не печататься?" - спросили мы. "Не писать", - с ударением сказал о. Александр. И здесь мы вздрогнули. Это почти что не дышать. Отец Иларион может в любой момент покинуть место своего заточения. Но уже не как священник. Однако он этого не делает. Как же надо ценить священников, для которых не совершать богослужение равносильно прекращению дыхания!

Совсем недавно по телевизору в программе "Библейский сюжет" была рассказана история нестяжателей. Мы с огромным волнением смотрели эту прекрасную передачу. Георгий Федотов назвал победу Иосифа Волоцкого над Нилом Сорским и его сторонниками, названными "нестяжателями", трагедией русской интеллигенции. Русская интеллигенция всегда была на стороне Того, кто вместо забрасывания камнями грешника предлагал самим избавляться от греха.

P.S.

Заведующий канцелярией епархиального управления протоиерей Димитрий сказал собкору "РГ" Светлане Биткиной, что он не может точно обрисовать ситуацию, так как не владеет информацией в полной мере. Но, по его словам, в монастыре нет такого рода келий, как описаны в письме Г. Померанца и З. Миркиной, там хорошие условия жизни, сделан евроремонт. А иеромонах Иларион служит все службы и не ущемлен ни в каких монашеских правах. "Конечно, в монастыре существует внутренний устав и его необходимо соблюдать", - добавил протоиерей Димитрий. Епархиальное управление готовит ответ на официальный запрос "РГ".